

ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ Бакланов — человек блистательный, светлый, прозрачный для светового луча, воплощение русской космической мечты. Мы познакомились с ним в последние годы перестройки. Мне захотелось увидеть воочию всемогущего секретаря ЦК, я попросил его о встрече, не надеясь на согласие. Он был приглашен на Старую площадь. В просторном кабинете мы сидели, обменивались суждениями, я записывал его неторопливые ответы, а вокруг нас кружил фотограф, делая снимки. С этого повелась наша дружба.

БАКЛАНОВ КОСМИЧЕСКИЙ

Он приглашал меня в уникальные поездки, где я видел то, что неведомо было советскому писателю и журналисту. В закрытом городе под Томском я видел, как механические руки лепят из боевого plutonia "снежок", который потом помещается в термоядерное взрывное устройство. На Урале Олег Дмитриевич показывал мне оборонное производство. И на собрании директоров, этих умудренных, маститых технокрагов, я высказал своё дурное предчувствие о том, что настанет время, когда их великие предприятия будут закрыты и над всей великой советской техносферой нависнет мгла. Мне не верили, чуть ли не улюлюкали, обвиняли меня в нагнетании тьмы.

Мы были с Баклановым в Кабуле, встречались с Наджибуллой, и тот севотал на прекращение поставок из Советского Союза топлива и танковых масел, что остановило наступление афганской армии, обрекало государство на поражение. В Западной группе войск в Берлине, когда была сломана Берлинская стена, мы с Баклановым шли через Бранденбургские ворота в Западный Берлин, казались руками золотых валькирий, стоящих на берегу Шпрее, выслушивали горькие исповеди разведчиков Штази, упрекавших Советский Союз в вероломстве. И было видно, как тяжело Бакланову, как горестны и тяжки его предчувствия. Он говорил, что

слушает космос и принимает оттуда дурные вести. Триумфальной была наша с Баклановым поездка на космодром Байконур, где взлетала ввысь грандиозная ракета "Энергия" с космическим челноком "Буран" — детищем Бакланова, который, возглавляя министерство, управлял всем колоссальным процессом создания этой космической пары. Управлял сотнями заводов, лабораторий, научных центров, сводил воедино усилия многих тысяч людей. И когда ракета в грохоте белой плазмы ушла в космос, а потом через несколько часов на землю опустился бесконечный, как голубь, челнок, и конструкторы, генералы сошлись вокруг этого челнока, ликовали, славили его

создателей, я тронул эту горячую, пахнущую космической гарью чешую "Буран". Каждый раз, встречаясь с Баклановым, я вспоминаю это прикосновение. Наша поездка на Новую Землю, где обсуждалась проблема открытия нового ядерного полигона после того, как был закрыт полигон в Семипалатинске. Наши беседы с ним среди негасимого полярного солнца, ощущение близкой катастрофы, когда мы смотрели на морскую воду и видели, как по ней медленно плывут доски разбитого корабля, имя которому — Советский Союз. Когда случился ГКЧП и одного за другим арестовывали его членов, я отправился к Бакланову на Старую площадь, виделся с ним за несколько часов до его ареста. Мы обнялись на прощание. Я ушёл, унося с собой горестные признания Олега Дмитриевича, имена тех, кто, по его мнению, привёл ГКЧП к поражению. После ареста Бакланова, когда газету "День" называли газетой путча, а

меня — его архитектором, я опубликовал в газете все те десять снимков, которые сделал фотограф во время нашей первой с Баклановым встречи. Я хотел показать, что газета не страшится насильников, что мы живы и будем биться, и Бакланов, заточённый в тюрьму, по-прежнему является символом нашей советской Родины. Теперь, когда я вижу с Баклановым, восхищаюсь его мечтаниями. Он рассказывал, что в детстве мама выносила коляску, где он младенцем лежал, в сад под звёзды. И он, ещё почти бесознательным ребёнком, видел над собой мириады пылающих звёзд, которые посеяли в нём космическую мечту — мечту, которой он служил и служит по сей день. Он мечтал, чтобы его, уже глубокого старца, отравили в космос, он хотел приблизиться к тем заветным звёздам и оттуда, от звёзд, посмотреть на нашу голубую матушку-Землю.

Александр ПРОХАНОВ

В СВОЕЙ КНИГЕ "Евхаристия. Таинство Царства" протопресвитер Александр Шмеман рассуждает о двух типах символизма — изобразительном и эпифаническом. Первый тип пытается трактовать символ объяснительно-иллюстративно: мол, это означает то-то, а это — то-то. Такой способ основывается на выстраивании прямых аналогий. Второй тип воспринимает символ как некоторое проявление иной реальности. Символ являет, а не означает. Думается, что подобная герменевтическая дихотомия существует и в сфере политической аналитики. Самый распространённый способ проинтерпретировать слова политического деятеля (как правило, это относится к крупным лидерам значимых стран — Путину, Трампу, Эрдогану и им подобным) — это попытаться построить аналогию: например, президент пожал руку одному и не пожал другому — значит, здесь скрыт свой меседж, стоит ждать кадровых перестановок. Такой метод толкования действительно может дать верное объяснение определённым событиям, но он не позволяет понять ситуацию во всей её полноте, глубине и трёхмерности. Только политическая эпифания предоставляет выпадающий из поля зрения контекст. До недавнего времени незначительные ремарки, жесты и поступки Путина трактовались именно в свете тех посылов, которые он якобы закладывает в мельчайшие детали своего поведения. Политологи видели в каждом повороте его головы то предвещание грядущей катастрофы, то скорое пришествие государственного либерализма, то новый 1937 год, то Третью мировую войну. Причём в такой политической фетишизации впадали не только горячие сторонники президента — больше всего этим грешили как раз оппозиционеры. Но попробуем взглянуть на проблему более комплексно, более целостно, более нарративно. То, что говорит Путин и как он это говорит, не является буквальной командой, адресованной неведомым кремлёвским духам. Вместе с тем мы не должны, конечно, и игнорировать его слова. Просто следует понимать, что он не алгоритм, который можно просчитать и понять на 100 процентов, не голограмма, а живой и меняющийся политик.

В ЭТОМ СМЫСЛЕ состоявшаяся 17 декабря пресс-конференция предоставляет отличное поле для эксперимента. Оппоненты президента поторопились заявить, что Путин выглядел осунувшимся и испуганным, стремящимся себя изо всех сил легитимизировать. Вряд ли — такая повестка давным-давно ему чужда. Возможно, плескаясь в бассейне с акулами семибанкириши в начале нулевых годов, он и преследовал цель правильно себя поставить — перед народом, перед спецслужбами, перед теми же олигархами. Но это было настолько неузнаваемо давно, что в нынешней Российской Федерации трудно разглядеть даже остаточные пережитки той эпохи. Можно относиться к этому хорошо или плохо, но факт остаётся фактом — политическое амплуа Путина давно сформировано, его как минимум пригодность к роли руководителя государства также вполне доказана. Он и сам, разумеется, не может этого не понимать, поэтому пресс-конференция — это не психотерапия для своих, которые и так во всё уверены, не запугивание чужих, которые всё равно не поверят. Он вообще — во всяком случае, на сей раз — ничего никому не доказывал, а лишь демонстрировал: себя как такового.

И это очень важно. С робкой уверенностью хочется сказать, что он наконец перестаёт играть странную и не идущую ему роль профессионального президента. На протяжении последних месяцев Путин всё более отдаляется от игр в демократию. Можно выстраивать увлекательные политические мистификации касательно причин такого путинского разворота к собственной сущности: сыграть свою роль здесь мог кто угодно — от президентского духовника митрополита Тихона до амбивалентного гения Суркова, — но сущность предлагаемого прочтения прошедшего события в том и заключается, чтобы говорить об уже наличествующем, а не копаться в запутанной и редко поддающейся дешифровке каузальности власти. Если раньше демократия была для Путина (неважно, искренне или нет) тем же, чем марксизм для Сталина, — тягостной, но непреложной догмой, то теперь он, даже говоря с иностранным журналистом, умышленно эпатирует того, подвергая сомнению демократические ценности.

Любым важным политическим событиям предшествуют сгущение смысловой ауры, формирование собственной исторической метафизики эпохи. Как писал Максимилиан Волошин: "Пред тем как сбывлись Мартовские Иды, гудели в храмах медные шты...". Именно появлением своей обособленной метафизики и отличаются друг от друга эпохи, с помощью их они и могут быть периодизированы. Путинская эпоха если ещё и не сформировала такого рода метафизику, то близко подошла к этому. Нельзя выискивать химический состав этого явления, нельзя с точностью установить, какие силы её зачали, однако очевидно, что, заслуженно или нет, данная эпоха проходит под знаком личности Путина. Президент — очень, даже чрезмерно осторожный человек. Прежде чем принять какое-то решение, прежде чем во что-то поверить, он обязательно взвесит все за и против: если бы Русь крестилась при нём, этот процесс занял бы не одно десятилетие, а идол Перуна соседствовал бы с Десятиной церковью. Поэтому, когда человек такого психологического склада отказывается от привычных и удобных для него мантр, это говорит о достаточно глубоком внутреннем перерождении, что, в свою очередь, позволяет надеяться на реконструкцию онтологической и цивилизационно автаркичной России.

В предостережение, однако, следует сказать, что эклектичные проекты, особенно столь масштабные, редко бывают успешными. Тем не менее, судя по всему, другой формат в настоящих условиях либо невозможен, либо кажется таким Путину. Одно очевидно: он считает себя полноценным правопреимником Советского Союза. Отвечая на заданный ему вопрос, он говорит: "Мы пошли на то, чтобы освободить от советского диктата некоторые страны и народы, которые хотели развиваться самостоятельно". Естественно, речь здесь не идёт о том, что демократическая Россия помогла излечить родовую травму коммунизма "братским народам", просто Путин наконец в открытую начал мыслить категориями возрождающегося, а точнее, никогда полностью не исчезавшего СССР. Внешнее ли давление, внутренние ли размышления подвигли его на это, но он совершенно чётко и прозрачно артикулирует свою авторитарную позицию. Если бы у него сохранилась хотя бы капля прежнего стыдливого демократизма, он никогда на это не пошёл бы. Отвечая на вопрос о том, будет ли он баллотироваться в 2024 году, Путин отвечает даже несколько издевательски: "Делать это, не делать — посмотрю".

Всю пресс-конференцию он превратил в сплошной акт суггестии. Возможно, длительное доверительное общение с китайским коллегой Си Цзиньпином отразилось на политическом стиле Путина, и именно поэтому он провёл мероприятие в духе настоящего конфуцианского ритуала, где не только режиссировал общую канву, не только задавал основной вектор диалога, но как будто сам формулировал себе вопросы, инперсонирываясь в журналистов, — достаточно, например, вспомнить вопрос о Конституции. Здесь Путин остановился и начал подробно рассказывать о причинах проведения голосования по поправкам к Конституции. Он опять проигнорировал сущность вопроса — почему это голосование нужно было проводить именно сейчас. Безусловно, конституционная реформа очень занимает его, поэтому рассказывает он о ней весьма убедительно и вкусно. Поправки были нужны, чтобы в некотором смысле застопорить существующий статус-кво, сделать его изменение в будущем, в постпутинскую эпоху, если и не невозможным, то крайне сложным предприятием. Хорошо видно личное желание Путина прописать в Основном законе как можно больше достижений нынешней России. Социальная сфера, Вооружённые силы, приоритет российского права над международным (о международном праве Путин говорит с совсем уж нескрываемым презрением) — всё это ни в коем случае не должно быть похоронено после ухода Путина, который в любом случае неизбежен. Он со всей очевидностью воспринимает новую редакцию Конституции буквально как своё политическое наследие. Но вопрос о том, почему понадобилось проводить голосование именно сейчас, всё равно остался без ответа. Похоже, Путин умышленно обошёл его молчанием. Это своего рода загадка, которую надо попытаться разрешить.

Весной 2020 года в российских шёшелонах власти началось какое-то странное бурление. Создавалось ощущение, что готовится нечто грандиозное. Не изменение Конституции, конечно, и не

Владимир КРЕСТОВСКИЙ

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Послесловие к пресс-конференции президента страны

отставка правительства: событием такого масштаба мог быть только уход Путина. Он и сам всячески заигрывал с этой гипотезой, как бы нагнетая интригу. Все подготовительные меры в виде смены правительства и конституционного "завещания" были соблюдены. Однако в последний момент Путин снова что-то остановило. Мы не можем сейчас достоверно сказать, что именно это было — поступившая информация о каких-то внешних или внутренних провокациях, готовившихся в случае его ухода, неудача в поиске преемника, или же, в конце концов, ощущение неполной реализации собственных задач. Однако транзит, несомненно, планировался, и его срыв связан с чем-то, к чему Путин относится одновременно с некоторой досадой и долей иронии, поэтому он и отговаривается тем, что попросту "эта ситуация созрела, мы это сделали, и сделали своевременно".

ОДНИМ ИЗ САМЫХ БОЛЬШИХ возможных заблуждений относительно морфологии современной российской власти является представление о ней как о некоторой монолитной вертикали. Когда мы читаем большие аналитические материалы западных политологов, опубликованные в солидных изданиях, нас не может не поразить их несправимая слепота. Предлагаются предельно наивная и примитивная картина: авторитарный вождь Путин сплотил вокруг себя идеальных реваншистов и ведёт себя согласно чётко разработанной дорожной карте под названием Make Russia great again.

Если бы это действительно было так! Западное сознание слишком упорядочено, оно не может представить себе того институционального хаоса, который является непосредственным контекстом российского политического универсума. В этом смысле та чёткая разграничительная линия, которую Путин провёл между элитами и чиновничеством, отвечая на вопрос о своём бывшем зятё, обрисовывает реальное положение дел. По мнению некоторых комментаторов, элиты — это некий таинственный посредник между Путиным и его по-прежнему сохраняющимися большинством, в отличие от чиновничества, которое приходит и уходит. Задядый оппозиционер увидит тут намёк на предстоящие "чистки" государственного аппарата и на формирование некоторого привилегированного класса — если угодно, в таком контексте слова Путина могут толковаться как своеобразный новый "манифест о волюнтарности дворянства".

Однако это опять же чересчур толковательный подход. Если взглянуть на проблему эпифанически, то Путин просто декларировал наличие двух привилегированных групп — элиты, которой можно больше, и "служивых людей", которым можно меньше. И акцент здесь, скорее всего, совершенно другой: Путин принимает существование элит, но никоим образом не выделяет их в особо приближённую к себе неприкосновенную касту. Да, безусловно, в России сформировался сверхкрупный капитал, и с этим уже ничего не поделаешь. Однако настоящим доверием эти люди пользоваться не могут. Поэтому речь идёт всё же не о возникновении "нового боярства" в лице элит, а о появлении "новой опричнины" в лице чиновничества и спецслужб, которые потому-то и неприкосновенны, что обложены высоким доверием.

Фактологическую часть вопроса про Шамалова Путин практически игнорирует, ограничиваясь дежурным кивком на западные спецслужбы. Опять же наивный наблюдатель-толкователь станет выстраивать псевдологическую цепочку: не захотел подробно рассказать — значит, боится, значит, есть что скрывать. На самом деле Путину как президенту поступает такое количество разведывательной и контрразведывательной информации, что различные шпионские страсти для него являются объектом повседневной рутинной работы. Нельзя не вспомнить здесь о выборочности в расследованиях где бы то ни было: благодаря СМИ информация о сыне Байдена, его финансовых махинациях на Украине, его сексуальных злоупотреблениях никак не повлияла на ход президентской кампании в США, потому что в условиях леволиберального террора не получила никакой огласки.

МОЖНО ВСПОМНИТЬ и обмусоленный за последние дни со всех сторон ответ Путина на вопрос про отравление Навального. Как известно, неделю назад "пациент бер-

линской клиники" выпустил совместно с маститыми западными изданиями расследование, в котором поимённо назвал своих предполагаемых отравителей — сотрудников ФСБ. Видео это — как теперь понятно, умышленно было сделано безупречно. Основной расчёт делался на то, что власть, как обычно и бывает в таких случаях, займёт позицию презрительного молчания и откажет давать повод ищущим этот самый повод. И расчёт оказался верным. Путин практически в таком ключе и высказался. Могло показаться, что на этот инфоповод будет исчерпан, но события, последовавшие дальше, продемонстрировали с предельной ясностью, что Навальный поддерживает чью-то очень сильную руку. Какая-то "башня" Кремля, или непосредственно представители западных спецслужб, или и те и другие, действующие сообща, — не так уж и важно. Через несколько дней после конференции Навальный выпускает дополнение к своему материалу. Он публикует свой звонок под ложным именем, сделанный одному из предполагаемых отравителей. Представившись помощником Патрушева, он выведывает детали всей "операции". Опять-таки совершенно неважно, имело место отравление или нет, — важно то, что Навальный, уже практически не скрываясь, опирается на помощь некой третьей силы. Вряд ли он сам додумался бы до такого эlegantного хода: опубликовать главную часть своего обвинения после того, как от второстепенной части по традиции отмахнулись на пресс-конференции. Силы, стоящие за Навальным, преследуют свои вполне конкретные цели.

Во-первых, происходит уже второй за последние годы акт драмы под названием "они вас не прикроют". Спецслужбистам неинтересен Навальный, им интересно, что будет с ними в случае профессионального провала, который, разумеется, регулярно случается в силу специфики их работы. И если сейчас повторится уничижительная ситуация, когда героя страны и его напарника заставили в течение часа оправдываться на камеру в качестве наказания за провал в Солсбери, — это, по мнению таинственной третьей стороны, должно посеять среди сотрудников силовых ведомств глубокое недоверие к власти вообще и Путину в частности.

Во-вторых, если удастся заставить большое количество людей поверить в правдивость истории о незадачливых отравителях, это существенно компрометирует всю ФСБ, и тогда можно будет, уже не стесняясь, если и не требовать пересмотра юридического определения госизмены, то хотя бы выставить его бездоказательным и политически мотивированным для преследования инанкомыслящих. Такие и даже ещё более радикальные голоса уже раздаются со страниц либеральных флагманов. Например, утверждается, что единственная функция ФСБ в современной России — карательная, что терактов за последние годы стало меньше, так как террористам больше невыгодно шантажировать авторитарный режим. (Уже одним этим излагающей такую точку зрения обнаруживает полное непонимание мотивации террористов-смертников, которые идут на своё преступление не для того, чтобы выторговать по блажи у федеральной власти, их цель — собственная, по их мнению, "мученическая" смерть). А то предлагается и вовсе распустить ФСБ.

Читая подобные описи, невольно задумываешься о том, что иногда пресловутый "Новиков" мог бы стать неплохим лекарством от глупости. Поэтому расчёт третьей стороны строился именно на том, чтобы сначала подать умышленно легко поддающееся критике расследование, дожидаться момента, когда Путин на пресс-конференции брезгливо отмахнётся от вопроса, и только после задействовать информацию, которая взволнует как офицеров спецслужб, так и либеральную публику.

Однако есть во всей этой истории и безусловно положительные стороны.

Во-первых, ситуация пришла к прямому и открытому конфликту, и Путину, известному любителью тишины, придётся так или иначе отвечать на провокацию. Это хорошо по той же причине, по какой и избрание открыто русофобски настроенного Байдена: открытое противостояние окончательно сделает бесосновательными благодущную успокоенность и упование на "общие консервативные ценности", которыми многие во власти тешили себя на протяжении всей трамповской четырёхлетки.

Во-вторых — и на это почему-то вроде как никто не обратил внимания, — Служба внешней разведки, отметившая в этом году 100-летний юбилей, после путинской пресс-конференции устами своего руководителя Нарышкина прямо и недвусмысленно актуализирует проблему предательства внутри спецслужбистского сообщества. К чему бы это? К какой сенсации готовят общество? Ясно одно: симметричные ответные действия на "расследования" Навального в отношении тех, кто информирует "пациента берлинской клиники", — дело ближайшего будущего.

СКЛАДЫВАЕТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, что с Путиным произошла какая-то чудовищная перегрузка. Он выглядит хорошо отдохнувшим, довольным и даже несколько нагловатым — особенно на фоне людей, задающих ему вопросы: болезненного, задыхающегося Колесникова, гротескно-карикатурного бибисилишника, униженного Шнурова.

Насчёт последнего вообще вырисовывается интересная коллизия: после прошедшей пресс-конференции стало понятно, что никаким двойным агентом от мира массовой культуры — на что недвусмысленно намекали некоторые эксперты — он никогда не являлся. На протяжении многих лет этот деятель регулярно издевался над властью, клепал многочисленные клипы, преисполненные самой желчной, самой ядовитой русофобии, не стеснялся при этом кормиться с рук осмеиваемой им власти. Давая интервью Дудю, на традиционный вопрос этого журналиста: "Оказавшись перед Путиным, что ты ему скажешь?" — Шнуров ответил, что скажет президенту: "Хватит!" Но, предств перед Путиным, он сказал ему нечто совершенно другое. Очевидно, кому-то наверху (едва ли, конечно, самому Путину) надоело такое двурушничество, и Шнурова поставили перед жёстким выбором. Он, как мог, пытался сохранить лицо и придумал максимально idiotский вопрос про Трампа и мат, хорохорился ("я такой вот добрый буду") — но лишь ещё больше подставил себя под удар, нравившись на саркастическую благодарность Путина за неиспользование мата хотя бы на самой пресс-конференции. Путин на протяжении пресс-конференции не раз возвращался к шутке про "начинающего журналиста", а камера в эти мгновения выхватывала потерянное лицо последнего. Шнуров, предчувствуя волну недоговора в свой адрес, уже огрызнулся матерным стишком — но вопрос здесь не в том, какая часть его аудитории отвалилась. Как уже было сказано, до этого момента Шнуров воспринимался едва ли не как доверенное лицо Путина, которому якобы позволено такое фронтёрство. Теперь стало очевидно, что это не так, а недалёкий исполнитель рифмованных куплетов просто решил, что из кремлёвских кабинетов не виден YouTube. В связи с этим встаёт вопрос: сколько ещё людей, которых мы привыкли считать "прикормленными", являются такими же искренними врагами, но по непонятным причинам остаются в обьёме администрации президента?

ПУТИН, КАК ОБЫЧНО, уделит пристальное внимание вопросам повседневной жизни — в этот раз, кажется, даже больше, чем обычно. И это вовсе не завуалированный сигнал о том, что какая-то очередная кремлёвская "башня" подсидела кремлёвскую "башню" силовиков. Всё намного проще. Как уже было сказано, личность Путина, его характер играют всё большую роль в построении политического нарратива. Время политических медиймов, вещающих от имени тех или иных кланов и групп, прошло. А привычка Путина поговорить на бытовые темы объясняется просто: ему как главе государства приходится заниматься решением в основном вопросах масштабных. Поэтому всякая "бытовуха", которой он не может и не должен заниматься на постоянной основе в силу специфики своих служебных обязанностей, становится для него некоторой отдушиной. Человеческую составляющую всё-таки нельзя списывать со счетов.

Отвечая на бытовые вопросы — про пенсии, зарплаты, хороших и плохих региональных чиновников, — Путин был очень многословен, но в то же время расслаблен. И обходился без своего знаменитого блонтона с цифрами, которые, видимо, уже заучил наизусть. А вот о внешней политике говорил напористо, игриво и даже лукаво. Хрестоматийным в этом смысле стал вопрос о Нагорном Карабахе.

Начать, пожалуй, следует с того, что сама по себе операция по прекращению активной фазы боевых действий была проведена по-настоящему виртуозно. Вмешательство произошло в наиболее выгодный для России момент. Армения, неопытность которой к России в последние годы прогрессировала, получила урок, но вместе с тем не была оставлена на съедение внешним силам. И как будто специально подобрались наиболее антуражные персонажи: поистине шекспировский архетипический предатель Пашинян, полностью протупецкий Алиев, агрессивный неосоманист Эрдоган. И — героическая оппозиция, стоящая на гротескно пророссийских позициях. При этом, например, "самостийник" Сефилян, ещё недавно рассматривавшийся как единственная альтернатива Пашиняну, вдруг сменился на крайне промосковский ориентированного Манукяна.

На пресс-конференции Путину был задан сакраментальный вопрос: должен ли Карабах быть демилитаризован? Иными словами, должна ли Республика Арцах фактически прекратить существование? От ответа на вопрос Путин уклонился, повторив свою обычную мантру про то, что главное — что перестали гибнуть люди. Тем временем Пашинян с каким-то, кажется, мазохистским удовольствием уничтожает остатки своего рейтинга, добивая обороноспособность Армении и вообще разве что не призывает войти в состав Турции. Таким поведением он компрометирует не только себя, но и все прозападные силы Армении, на волне подъёма которых он и пришёл в своё время к власти. Свержение или отстранение Пашиняна стало лишь вопросом времени, и чем более разрушительную для Армении политику он будет проводить в оставшийся срок, тем более пророссийским будет следующее армянское руководство.

ТО, ЧТО МОЖНО НАБЛЮДАТЬ на протяжении последних лет и особенно месяцев, даёт определённые надежды, хотя и хоронит при этом другие. Путин, похоже, окончательно и по-настоящему уверовал в собственную безальтернативность. Но его понимание безальтернативности далеко от какого бы то ни было мессианства, от каких бы то ни было амбициозных проектов. Он никогда не уйдёт в ближайшие годы, а значит, ни о каком более или менее смелом конструировании более или менее новой идентичности государства не может быть и речи. Определённые достижения и завоевания нынешней эпохи останутся относительно неприкосновенными и после её завершения — но никакого имперского реванша не случится. Не случится просто потому, что такой политический почерк — не в характере нынешнего президента. Оценить правильность или неправильность каких-либо действий могут только потомки — современникам неизбежно застилают глаза их собственные политические пристрастия, их собственная идеологическая вкусовщина. И в этом смысле хорошо, что Путин не стал заматываться на задачи, решение которых ему не по плечу, хорошо, что он осознал свою миссию и перестал притворяться тем, кем он не является. Вragaз это всё равно не убеждало, а сторонников — отталкивало.

Финальная часть пресс-конференции состоялась вообще в необычном для подобных мероприятий формате — задававшие вопросы буквально окружили Путина. И здесь как раз уместно прибегнуть к толковательному методу. Это очевидный посыл: Путин не в бункере, он живёт и работает в штатном для себя режиме. Заданные ему вопросы мало чем отличались от тех, на которые он отвечал на основной части пресс-конференции. Опять вспомнил Навального и Сафронова, но на сей раз Путин был эмоциональнее. Ему, видимо, надоели эти вопросы — и к тому же с одним и тем же явно прочитаемым идеологическим посылом о презумпции невиновности этих фигур. Было довольно любопытно увидеть обыкновенные человеческие эмоции первого лица. Почему-то, когда о политическом деятеле говорят, что он предстал как обыкновенный человек, это, как правило, несёт негативную коннотацию: мол, хотя и вершитель судеб, а такой же человек, как и все. Странная позиция. Когда политический лидер может себе позволить не отыгрывать своё амплуа, а просто быть собой, насколько это позволяют этикет и безопасность, — это показатель его величайшей уверенности в себе, в собственных силах и влиянии. Когда о глобальных вопросах говорит бесконечно далёкий избраннык богов или столь же бесконечно далёкий стеклянно-демократичный вменяшчик, избранный электората, — это естественный порядок вещей. Но когда о том же самом с той же трибуны говорит просто человек, которому уже перестал быть нулевым ореол, — это лишь возвышает его в глазах слушателей.

Словом, на пресс-конференции Путин, в сущности, просто выговорился, устроил собственный бенефис, монспектакль своей власти. А потому стоит ли искать в его словах второе дно? Достаточно уже того, что и так явственно прочитывается: не надейтесь, я с вами ещё надолго.